

Любич Ефим Николаевич

**Тени жизни. Рассказы и
наброски**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
Е91

Е91 **Ефим Николаевич Л.**
Тени жизни. Рассказы и наброски / Любич Ефим Николаевич – М.: Книга
по Требованию, 2025. – 163 с.

ISBN 978-5-519-94347-5

ISBN 978-5-519-94347-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2025

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2025

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Наслѣдство.

I.

Иванъ Петровичъ сидѣлъ на крылечкѣ и оглядывалъ дворъ. Ничего необыкновеннаго дворъ этотъ собою не представлялъ: деревенскій дворъ, кое-гдѣ поросшій крапивой и какой-то несъѣдобной травой; сколоченныя изъ досокъ ворота, настолько низкія, что каждый проходившій по улицѣ считалъ долгомъ окинуть взглядомъ сидящаго Ивана Петровича; комора, разѣхавшаяся въ углахъ, но видно раздумавшая упасть, ибо со всѣхъ сторонъ ее окружали веселыя молодыя вишневые деревца, каждое утро привѣтствовавшія старушку радостнымъ лепетомъ листьевъ; и, наконецъ, заборъ, наполовину растасканный мужиками. Иванъ Петровичъ уже нѣсколько дней живетъ здѣсь и никакъ не можетъ придти въ себя: такъ недавно еще кипучая городская жизнь, какъ море щепку, крутила

и бросала его куда попало—и вдругъ капризный случай подхватилъ его и вынесъ на тихое мѣсто, въ деревню. Нѣтъ вокругъ треска, грома и куда то вѣчно торопящихся людей—и нервы, какъ отошедшія струны, спокойно дремлютъ, дремлетъ вмѣстѣ съ ними и Иванъ Петровичъ...

Бѣдно онъ жилъ въ городѣ: плодовъ его лихорадочной работы хватало только на то, чтобы кое-какъ прокормиться и одѣться, но онъ не унывалъ; когда приходилось круто, а это случалось очень часто, онъ утѣшалъ себя своей завѣтной мыслью. Мелкая, малюсенькая это была мысль, и, услышавъ ее, болѣе крупный человѣкъ—пожалуй, только бы насмѣшливо улынулся, но можно-ли требовать, чтобы слабая лодченка равнялась съ кораблемъ: волна, пренебрежительно разрѣзаемая мощной грудью стального гиганта, захлестываетъ лодченку... Было время, когда Иванъ Петровичъ, какъ драчливый воробей, топорщился и ощущалъ въ себѣ силы; однако, оглядѣвшись, онъ долженъ былъ признать, что малая пичуга можетъ чувствовать въ себѣ даже львиную силу—и остается, все таки, тою же жалкою пичугой. И завѣтная мысль его была пичужья: голодать, холодать, но не попадаться

въ силки, разставленные жизнью на каждомъ шагу. Даже во взглядѣ его чувствовалась, просвѣчивала эта мысль;—и знакомымъ Ивана Петровича нравился этотъ взглядъ, немножко грустный, немножко ласковый, а въ общемъ какъ будто и хитрый. Многіе удивлялись: „что за странный это человѣкъ: голъ, какъ соколъ, а не унываетъ?“ Спрашивали даже его объ этомъ, но онъ отдѣлывался шутками: взмахнетъ руками, какъ птица крыльями, подпрыгнетъ и, жестомъ указавъ на свою довольно невзрачную фигуру, спросить: „видите“? Спрашивающіе глядѣли и видѣли, что изъ рукавовъ пальто у него лѣзла вата, сапоги были, какъ бородавками, покрыты заплатами...

— „Не жметъ“—пояснялъ онъ.

Въ городѣ онъ перебивался уроками и перепиской.

Иванъ Петровичъ когда-то учился; поглощенная имъ мудрость крѣпко въѣлась въ мозги,—такъ что когда, десять лѣтъ не заглядывая въ учебники, ему пришлось набивать голову одного малыша латинскою, греческою и прочею дрянью,—то онъ даже самъ удивился: „экъ, значить, какъ я сильно отравленъ“! Дома, въ своей конурѣ, онъ или читалъ, или широкими шагами ходилъ

и думалъ птичьи думы. Временами на него что-то чудное находило: ходить-ходить онъ по комнатѣ, думаетъ-думаетъ и вдругъ почувствуетъ въ груди легкое колебаніе, заходитъ тамъ что-то, пробѣжить по тѣлу, вызоветъ ознобъ, на глазахъ—слезы явятся, легкость, просто физическая легкость ощущается,—и тогда онъ садится и пишетъ, быстро пишетъ, по временамъ поднимая голову и смотря ничего не видящимъ взоромъ въ потолокъ. Обыкновенно на другой день утромъ послѣ прочтенія написанное рвалось, и Иванъ Петровичъ съ укоризною говорилъ: „и не стыдно тебѣ, Иванъ, подлость такую дѣлать: мысль, столь трудно уловимую вещь, прикрѣплять къ бумагѣ?... Для кого и для чего это дѣлать? Если даже и прочтетъ кто —тебѣ что: легче будетъ?... Брось!“ Правду сказать, не всегда такъ было. Однажды (это, дѣйствительно, только и случилось однажды), онъ написалъ небольшую вещичку; со слезами искренности онъ изливалъ въ ней свое горе. Нѣсколько разъ прочелъ онъ ее и всякій разъ, доходя до одного мѣста, гдѣ „Лѣсъ, качая головою, шепталъ: „Ты плакать хочешь—и людей стыдишься? Иди ко мнѣ: отъ глазъ людскихъ твое я скрою горе...” и. т. д. — онъ чувствовалъ

непреодолимое желаніе разрыдаться. Какъ его угораздило отнести рукопись въ газету — онъ теперь и самъ дивился. Три дня онъ волновался и зашелъ за отвѣтомъ. „Не можетъ быть напечатано!“ сказалъ ему редакторъ. На вопросъ — почему? редакторъ, небрежно развернувъ рукопись, съ особенными подчеркиваніями прочелъ нѣсколько мѣстъ. Иванъ Петровичъ горѣлъ отъ стыда и боли. „Такъ тебѣ и надо! Такъ тебѣ, подлецу, и надо“ — твердилъ онъ, вырвавшись изъ прохладнаго редакторскаго кабинета на кипящую жизнью улицу.

Конечно, съ тѣхъ поръ у него даже и въ мысляхъ не было — когда нибудь повторить „эту подлость“. Такъ онъ и жилъ, кое-какъ перебиваясь, пока не получилъ извѣщенія о томъ, что одна дальняя родственница его умерла и оставила ему наслѣдство: десятинь пятьдесятъ земли и старую усадьбу.

Какъ и всѣ люди, жившіе въ дѣтствѣ въ деревнѣ и затѣмъ распрошавшіеся съ нею на всю жизнь, Иванъ Петровичъ рисовалъ себѣ деревенскую жизнь необыкновенно привлекательною: маленькія хатки, добренькіе мужички, при встрѣчѣ съ паномъ за версту снимающіе шапки, благодствореніе воздуховъ и изобиліе плодовъ

земныхъ... Страннаго въ такомъ взглядѣ Ивана Петровича на деревню, конечно, ничего не было: многіе весьма умные и съ положеніемъ люди, отъ которыхъ въ нѣкоторомъ родѣ зависятъ даже судьбы деревни — знаютъ о ней немногимъ больше Ивана Петровича.

Когда худыя лошадки мужика, нанятаго на станціи, довлекли Ивана Петровича до села, гдѣ было наслѣдство, дѣтвора, подобно куропаткамъ табуномъ бѣгавшая и валявшаяся на пыльной улицѣ, притихла и внимательно оглядѣла пассажира.

— Жидъ, иди ко мнѣ... жидъ! — крикнулъ одинъ звонкій дѣтскій голосъ; за нимъ то-же повторилъ другой; затѣмъ вся толпа окружила повозку, прыгала и припѣвала на разные лады: „жидъ! жидъ! жидъ!“ Въ заключеніе какой-то шустрый схватилъ то, чего такъ много валяется на деревенскихъ улицахъ, и запустилъ имъ въ спину Ивана Петровича. Возница въ это время дергалъ возжи и замахивался, кнутомъ на близко подскакивавшихъ буяновъ.

— Поганая дѣтвора! — сказалъ онъ, наконецъ: — балованная дѣтвора! Не знаю, есть ли гдѣ нибудь на свѣтѣ такая поганая дѣтвора!...

Иванъ Петровичъ молчалъ; онъ видѣлъ отцовъ и матерей этихъ ребятъ: одни сидѣли у воротъ, другіе проходили мимо, — и никто изъ нихъ не прикрикнулъ на дѣтей, не удержалъ ихъ.

Надо было остановиться и спросить, гдѣ дворъ умершей, ибо Иванъ Петровичъ былъ въ этомъ селѣ назадъ тому лѣтъ двадцать и теперь даже самага села не узналъ бы.

Какой-то старикъ, къ которому обратились съ вопросомъ, не сразу отвѣтилъ; онъ сначала долго осматривалъ ихъ, такъ долго, что Ивану Петровичу даже неловко сдѣлалось, и потомъ переспросилъ:

— Такъ чей, вы говорите, дворъ?

Ему сказали снова.

— Такъ она уже умерла; давно умерла! Царство небесное! Вы не родственникъ ли ей приходитесь?

— Да, родственникъ.

— Да вы, часомъ, не тѣ будете, кому она удобу свою отказала?

— Да...

— Такъ ея дворъ далеко еще; это на томъ куткѣ; тамъ вамъ укажутъ.

И опять поплыли мимо Ивана Петровича хаты, бѣлыя, желтыя, съ окнами, обрисованными кругомъ синькою и не обри-

сованными, съ воротами, изъ-подъ которыхъ выставлялись собачьи головы, просто лающія, лающія съ визгомъ и не лающія вовсе, а только провожающія проходящихъ свирѣпымъ взглядомъ кровью налитыхъ очей... Еще раза два пришлось спросить у мужиковъ, гдѣ дворъ умершей, и подвергнуться подробному допросу: кто такіе? откуда? зачѣмъ?

— Это! — сказалъ имъ послѣдній мужикъ, разспросивъ у нихъ все, что ему казалось нужнымъ; онъ только что вышелъ со двора и что-то держалъ подъ свиткою, надѣтою въ накидку. Сказалъ и медленно ушелъ. Отворили ворота и увидѣли мальчишку въ бѣлыхъ порткахъ и рубашкѣ, вышедшаго изъ сарая. Вороватыми глазами оглядѣлъ онъ пріѣхавшихъ, быстро метнулся къ плетню и исчезъ, показавъ на прощанье грязныя босыя ноги.

Мертвая тишина, стоявшая во дворѣ и домѣ, безъ словъ говорила Ивану Петровичу о томъ, что онъ пріѣхалъ туда, куда надо.

Итакъ, Иванъ Петровичъ сидѣлъ на крылечкѣ и оглядывалъ дворъ. Не волнуясь, не спѣша, онъ думалъ о томъ, какія шутки шутить иногда случай съ людьми; вотъ хоть-бы, напримѣръ, и съ нимъ: умерла

родственница, оставила ему въ наслѣдство въ конецъ истощенную землю, домикъ, изъ котораго мужики повыдирали половину оконъ и... ни копейки денегъ... Что теперь дѣлать? Съ одной стороны, хотѣлось бы пожить въ деревнѣ, заняться хозяйствомъ; съ другой—что за хозяинъ—человѣкъ, ни разу не выдавшій полевыхъ работъ, не умѣющій отличить колоса ржи отъ колоса пшеницы; человѣкъ, интересы котораго до сихъ поръ были далеки, чужды интересамъ деревни? Сдать въ аренду кому нибудь, а самому обстроить дворъ и попробовать жить здѣсь-же? Или взять да продать все, если случится покупатель, и уѣхать въ городъ, въ стихію, гдѣ калѣченные люди чувствуютъ себя, какъ рыба въ водѣ?...

За воротами въ это время показалась голова какого-то человѣка; сначала она была въ шапкѣ, затѣмъ шапка куда-то дѣлась, —а голова усердно кланялась.

— Ко мнѣ?—спросилъ Иванъ Петровичъ.

— Къ вашей милости!—отвѣтила голова, потомъ скрылась на секунду—и Иванъ Петровичъ увидѣлъ въ калиткѣ всего человѣка. Держа шапку въ рукѣ, человѣкъ поклонился еще разъ у калитки и по-

дошелъ къ крылечку.

Подошедшій, мужикъ, лѣтъ шестидесяти, былъ росту средняго, широкоплечій, съ высокою, развитою отъ работы грудью. Волоса его и кое-какъ подстриженная борода были покрыты бѣловатою пылью; вѣроятно, онъ сейчасъ только работалъ на гумнѣ, ибо на свиткѣ кое-гдѣ замѣтны были прицѣпившіеся колоски. Свѣтлыми глазами онъ нѣкоторое время глядѣлъ на Ивана Петровича и пальцами, похожими на коротко обрубленные корешки дерева, расчесывалъ свою чуприну.

— Такъ вы, говорите, ко мнѣ?—опять спросилъ Иванъ Петровичъ, видя, что пришедшій затрудняется начать разговоръ.

— Къ вашей милости.

И снова молчаніе. Иванъ Петровичъ сталъ смотрѣть на ноги мужика; онѣ были обуты въ „постолы“ и щеголевато до колѣнъ обвиты ремешками. „Какъ, однако, красиво можно носить даже такую незатѣйливую обувь!“—подумалъ онъ.

— Что же это вы? — спохватился вдругъ Иванъ Петровичъ,—стойте и безъ шапки! Надѣньте шапку и садитесь, пожалуйста!

— Ничего, не большіе паны, и по-